18+

Владимир Далецкий

Путешествие и не только в прошлое

Владимир Далецкий

Путешествие и не только в прошлое

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73005602
ISBN 9785006882652

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Приключения продолжаются. Окунувшись в прошлое, героиня остается верна себе. Преодолеть все испытания помогает ей целостность характера и вера в себя.

Путешествие и не только в прошлое

Владимир Далецкий

© Владимир Далецкий, 2025

ISBN 978-5-0068-8265-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Путешествие и не только в прошлое

(Продолжение повести «Побег в никуда»)

Ждешь, ждешь этих каникул, а когда они приходят, то оказывается, что буквально сходишь с ума от безделья. Одноклассники разъехались кто куда. Котика родители сослали в деревню. Во всяком случае, он так сказал. Нелька тоже осталась в городе, но как она мне надоела своими фантазиями насчет Степанова!

Новые лица на горизонте не появляются. Тоска! Две недели просидела дома. Утром – телевизор, вечером – телевизор, днем – пляж. И стала еще ложиться в два часа ночи и спать до часа дня. Полное разложение! Пробую читать. За книга-

ми хожу в библиотеку или загружаю их из интернета в свою электронную книгу, которую подарила мне мама. Выбираю все, что кажется мне интересным. Пробовала читать любовные романы – такая дрянь! Очень понравилась «Шагреневая кожа» Бальзака. Рекомендую. Мне так стало жалко главного героя, что я даже немного всплакнула.

Пляж – это пытка. Лежишь на песочке, словно сосиска на гриле – медленно поджариваешься. Парни стреляют глазами в Нельку – формы у нее уже зрелой особы. А она – ноль внимания. Все сохнет по Степанову, а тот куда-то к родственникам на юг укатил. Держи карман шире! У него таких, как Нелька, целый легион.

На меня, слава Богу, не глазеют. Да и на что глазеть! Тощая и длинная. Хорошо, хоть немного загорела, а то была белая, как смерть. Так что если и глазели на меня, то как на бледную с косой. Точно, коса моя еще подросла, так что скоро буду, как Рапунцель, при помощи косы втаскивать поклонников к себе в одинокую башню.

Вместо башни – моя комнатка в квартире. Я ее оформила в своем собственном стиле. Конечно, мать спонсировала, а то какой «дизайн» без копейки в кармане? Стены мы с матерью оклеили в чудесные обои небесно-голубого цвета. Шторы на окнах – синие с розовым. Есть теперь у меня в комнате обалденный розовый диван, лежа на котором, я люблю мечтать. О чем? Да обо всем! Сознаюсь, иногда в моих мечтах промелькнет рыцарь на белом коне. Точно, Степа-

нов собственной персоной! Но я его гоню из своих мыслей – пусть живет в Нелькиных. Но глупое девичье сердце чаще бьется, когда находят воспоминания…

Но я отвлеклась. Сегодня мое приятное безделье кончается – отправляюсь в путешествие. Правда, назвать это путешествием язык не поворачивается, но все же перемена мест. Только вот, видимо, недаром говорят, что от перемены мест слагаемых сумма не меняется. И все же перемена обстановки мне нужна позарез. Вот и мама так говорит. Даже маленькое путешествие – это новые лица, новые впечатления. Под вечер и трону в путь. Место назначения – деревня Старинка. Это родина мамы. Там, в старом дедовском доме, живет мамина сестра и моя тетя Татьяна Петровна. Живет одна – она никогда замужем не была. Естественно, детей не имеет. Откуда дети, когда мужа нет. Хотя, насколько я знаю, бывают и без него.

К утру буду на станции, которая называется Красноармейская. Такое революционное название. Оттуда придется протопать километра три пехом. Что такое для молодого крепкого организма каких-то три километра? Чепуха. Он и не заметит, как их пролетит, словно комета. Хорошо, что буду не одна. Мамина землячка, Антонина Григорьевна, также навестить родные места собирается. Да мама меня одну и не отпустила бы. Да я и сама не поехала бы. Просто, придется перед самым рассветом около большого деревенского кладбища пройти. Жуть!

Но хватит о грустном. Меня ждет дорога. А я с детства волнуюсь, когда нужно куда-то отправляться. Помню, в детстве жутко волновалась до того времени, пока не сяду в поезд. Только тогда успокаивалась. Когда застучат колеса: спешим, спе-шим, спе-шим!

На вокзал меня провожала мама. Я, правда, отказывалась, но разве с ней договоришься. Мол, а если что-нибудь случится. А что может в моем возрасте случиться? Одним словом, набила я какими-то мелочами и гостинцами сумку, мама взяла с длинными ручками, чтобы можно было перекинуть через плечо, и мы тронулись. Мать героически несет сумку. А вот от станции до деревни придется ее нести мне. Вот и муравейник вокзала. Последние напутствия в дорогу, и, наконец-то, пришла моя электричка. Из нее валом валит народ. Все вышли, можно и нам теперь заходить. Но вот только Антонины Григорьевны нигде не видно. Я без нее не поеду! Мама успокаивает, мол, по-видимому, моя попутчица сядет на Северном вокзале – ей туда ближе. Так она обещала, когда мама ей перед выходом из дома звонила на квартирный телефон. Хочется верить. Но можно было бы и позвонить, если бы мать позаботилась о том, чтобы попросить мобильный телефон у землячки. Да и есть ли у старушки «мобильник». А вот я свой захватила – хоть музон послушаю.

Взрослые такие непрактичные – на домашнем телефоне могут «висеть» часами, а с мобильным телефоном «не дружат». Ладно, буду надеяться, что выйду на станции не одна,

и у меня обязательно будут попутчики. Иначе я за себя не ручаюсь. Могу остаться на станции, дождаться утра и только тогда двинуть в деревню. И вот уже сижу в вагоне и смотрю в окно. Я уже в вагоне, так что нет причин для волнения. Мама покорно стоит перед окном и ободряюще смотрит на меня. Но вот лязгают двери и электричка, перестукивая колесами, трогается с места. Я махаю маме на прощание.

Перед окном мелькают какие-то стены, складские помещения, потом вижу улицы, по которым несутся машины, потом мелькают дома частной застройки и, наконец, с воем, электричка вырывается на «оперативный простор». Люблю смотреть в окно движущейся электрички, ведь за ним проносятся поля, рощицы, придорожные посадки. Хорошо! Вот только от мелькания опор рябит в глазах. Перевожу взгляд на попутчиков – интересных объектов нет. Тогда я раскрываю книгу и начинаю читать. Это детектив, как мама шутит, «дефектив». Сюжет лихо закручен. Сейчас я читаю о том, как главный герой, а это лихой парнишка, преследует противника. Но того голыми руками не возьмешь. Где-то спрятался в темноте и поджидает главного героя с огромным ножом в руке. Жуть! Про ножи я не люблю. Не лучше ли посмотреть, чем эта история закончилась. Я открываю последнюю страницу и читаю.

Ага, все хорошо. Преступник пойман и они поженятся. Нет, не с преступником поженятся, а с милой девушкой, которая так помогала главному герою. А еще она такая краси-

вая и у нее такое доброе сердце. Словом, хэппи-энд. И чем теперь заниматься? Гулять по вагону у меня нет желания. Может, пройтись по вагонам и поискать Антонину Григорьевну? Нет, лень. Начинаю рассматривать попутчиков. Вот парочка мило воркует. Парень постарше, а девчонка совсем еще школьница. Лысый дяденька читает газету. Там, на сиденье, которое поближе к двери, примостилась старушка в белом платочке. Да, народу в вагоне не густо. Хоть бы кто-то сошел на станции, когда мне нужно будет выходить.

За окнами начало темнеть и в вагонах зажегся свет. Наконец динамик хриплым голосом объявил, что следующая станция Ратное. Значит, скоро выходить. Нужно собираться! Подвинула сумку, надела свой рюкзачок. Пора и к двери двигаться. Ратное проехали, значит, следующая – Красноармейская.

Вагон дернуло, и он стал останавливаться. Вот и темный перрон. Выхожу из вагона электрички и смотрю по сторонам. Как по закону подлости – никого. Что теперь делать? Нужно идти в здание вокзала – там пересидеть до утра. Электричка с воем умчалась вдаль, подмигивая красными огнями, словно незнакомая ракета.

Смеркается. Осмотрелась по сторонам. Что-то никакого вокзала не видно! Правда, стоит поодаль какое-то здание с заложенными окнами – и все! Вот попала, так попала! Одна на темном полустаночке. Вокруг темнеют деревья придорожной посадки. Куда теперь? Отсидеться до утра в кустах.

Страшно!

Придется идти одной в деревню. Дорогу я помнила, так как не раз в детстве бывала здесь. Хоть, как умерли бабушка и дедушка, они с мамой сюда не ездили. Валя не знает, в чем здесь дело, но между сестрами «пробежала черная кошка». И вот опять потепление в отношениях. И «посланцем доброй воли» должна быть она, Валя. Ну и где эта мифическая Антонина Григорьевна? Маме, что ли, позвонить? Только чем она поможет? Нужно торопиться, пока совсем не стемнело.

Постояла еще немного на перроне и пошла по дороге вдоль рельсов. Хорошо под звездным небом! Да и теплый вечер располагал бы к романтическим бредням, если бы не длинная дорога в деревню. Кажется, нужно идти сюда. Точно, дорога сворачивает и через посадку ведет в поле. Только бы не заблудиться! Быстрее, быстрее, темнеет стремительно! Хотела спрятать под кустом сумку, чтобы забрать ее завтра, когда будет светло. Но не решилась приближаться к кустам. Там так темно!

Скорее в поле – там светлее. Вот она вышла из-под густых крон деревьев в поле. Действительно, стало светлее. Из-за горизонта выкатилась кроваво-красная луна. Жуть! Ни попутчиков, ни машин, ни фонарей. У них в городе проще – там всегда ночью горят фонари. Девушка прибавила шагу. Тяжелая сумка оттягивала плечо. Хоть бросай ее здесь, в поле, но как без гостинцев заявиться? Придется тащить. Дорога казалась бесконечной. Она, то ныряла в лощины, то взбегала

на возвышенности. Отсюда, с возвышенности, уже были видны огоньки человеческого жилья, но за километр от деревни должно находиться кладбище. Вон оно – чернеет небольшой рощицей. Страшно, аж жуть!

Только бы поскорее пройти мимо! Только бы спокойно пройти мимо! Кладбище все ближе. Теперь уже в тусклом лунном свете отчетливо видны деревья. Нет, лучше туда не смотреть, а то еще что-нибудь почудится… Страшно! Мелодию, что ли, какую-нибудь прослушать на мобильнике? Нет, лучше не привлекать к себе внимания, как говорится, тише едешь, дальше будешь. В ее положении: тише идешь – спокойнее пройдешь. Спокойнее! Покойники! Ох, и заносит!

Вдруг зазвонил мобильный телефон – как раз к месту! Чуть не подпрыгнула вместе с оттягивающей плечо сумкой. Мобильник назойливо пиликает. Пришлось остановиться, снять с плеча сумку и вытащить телефон из кармана. Это была мама. Как раз вовремя! Оказалось, звонит, чтобы поинтересоваться, как я дошла до деревни. Чтобы не расстраивать мать, пришлось соврать, что уже на подходе.

– Антонина Григорьевна с тобой? – пристает мать.

– Со мной, со мной! – заверяю, – вот уже и первые дома. А еще с нами куча народа. Как ты и говорила – все на дачу подались. Деревенский отдых, знаешь ли, сто очков вперед даст городской суете. Словом, скоро будем дома. Не беспокойся, все у меня тип-топ. Звони чаще! Прерываю «дипло-

матические переговоры» и осматриваюсь. В темноте экран мобильного телефона буквально ослепил. Вроде бы, все вокруг тихо. Опять приходится забрасывать сумку на плечо. Тяжелая! Разговор немного отвлек от мыслей о том, что скоро придется миновать кладбище. Да и голос матери приободрил. Может, позвонить кому-нибудь и пройти мимо страшного места, болтая по телефону? Нет, лучше тишком – собственного голоса можно испугаться.

– Что это вы одна? – вдруг откуда-то со стороны послышался мужской голос.

От неожиданности чуть не подпрыгнула и не уронила сумку с плеча. Осторожно повернула голову. Оказывается, в нескольких метрах идет какой-то мужчина. В лунном свете только и рассмотрела, что незнакомец в светлом костюме и ведет в руках велосипед.

От такой будничной картины даже несколько успокоилась – что такого необычного, когда рядом ведет велосипед незнакомый мужчина! Правда, мама говорила, что нужно больше бояться живых людей, чем приведений. Зато есть попутчик, а вместе не страшно пройти мимо кладбища. Словом, с таким попутчиком можно спокойно миновать страшное место.

– Может, помочь? – не отстает попутчик.

– Нет, спасибо, – благодарю и прибавляю шаг.

Незнакомец не отстает, только слышно, как на ухабах бренчит что-то привязанное на багажнике.

– Вы, видимо, в гости? – интересуется навязчивый попутчик.

– Да, к тете, – отвечаю.

– А как тетю зовут?

Ну, когда же он отстанет с разговорами, ведь наступает самый ответственный момент – немного в стороне от светлой змеей извивающейся дороги мрачно темнеет группа деревьев! Это кладбище!

– Татьяна Петровна, бывшая учительница вашей школы, – сказала я и, вздрогнув от звука своего голоса, более пристально посмотрела на незнакомца. Правда, рассмотреть его в темноте было практически невозможно. Просто откуда-то набежавшие тучи закрыли луну, и стало заметно темнее. Вот только велосипед у незнакомца какой-то странный. Если так можно сказать, несовременный – какой-то угловатый, старомодный. Конечно, в деревне и не такое можно найти. Да и одет попутчик был несколько необычно. Как сумела я рассмотреть, на незнакомце была странная рубаха без воротника и светлый костюм. Костюм также мне показался старомодным. Таких сейчас не носят. Лицо мужчины рассмотреть не удалось – в тусклом свете луны черты казались смазанными.

– Нет, не знаю, – подал голос странный попутчик. – Вы мне фамилию назовите. Нынешних-то я плохо знаю.

Странно, в небольшой деревне не знать бывшую учительницу. Может, приезжий какой?

– Фамилия тети Снегирева, – излишне громко проговорила я, словно пытаясь отогнать откуда-то возникший липкий страх.

– Знаю, знаю такой род, – балагурил незнакомец. – Хороший род, исправный.

Странный попутчик помолчал, потом опять вступил в разговор:

– Я, знаете ли, на зайцев охочусь.

Я покосилась на этого странного человека: как он может в темноте и на велосипеде охотиться на зайцев?

– Очень просто, – как бы отвечая на мои мысли, заговорил незнакомец. – Встречу одинокого зайчишку и топором его – тюк!

Я непроизвольно покосилась на багажник странного велосипеда, где по-прежнему что-то позвякивало. И вдруг в неясном свете луны, выплывшей из-за облаков, показалось, что там, на багажнике, привязан топор. От увиденного волна ужаса окатила словно жаром.

– Отрублю голову – и в мешок, – буднично бубнил незнакомый попутчик.

И от будничности тона, с которым были произнесены эти слова, сделалось еще страшнее. Что же все-таки там, на багажнике велосипеда? О, святые угодники, вроде бы там привязан и мешок, в котором лежит что-то круглое! На светлом мешке едва различимы в скудном лунном свете темные пятна. От страха все внутри похолодело, а по спине побежали

отвратительные горячие мурашки.

Неужели маньяк! От такой мысли стало совсем плохо. Вот невезение – встретить ночью у кладбища маньяка. Это может быть только с ней.

– Много таких зайчишек я поймал, – не унимался этот жуткий человек. – Мне и ты нравишься…

После этих слов ноги сами понесли меня по дороге. Причем, казалось, что какая-то невидимая сила несет меня над землей. Только ветер свистел в ушах. Сумка болталась на плече, как маятник, раскачивая из стороны в сторону. Бежала и боялась оглянуться, ведь на велосипеде догнать бегущего человека ничего не стоит.

Откуда-то блеснул свет, и забурчала машина. Догоняет! Есть Бог на свете! Когда уже машина собиралась проехать мимо, я бросилась ей наперерез и чуть не попала под колеса. Хорошо еще водитель чудом успел затормозить, увидев, как кто-то выбежал на дорогу. Машина остановилась. Это был светлый «УАЗ». Словно на крыльях подлетела к дверце и дернула за ручку. Дверца открылась. За рулем сидел какой-то мужчина.

– Дяденька, – взмолилась, – подвезите!

– Садись! – кивнул головой водитель, потом добавил: – Ты бы осторожнее! Чуть под колеса не угодила!

– Да испугалась я! – говорю, а у самой от страха зуб на зуб не попадает. – Какой-то странный мужчина на дороге меня до смерти перепугал.

Бросила на сиденье сумку и запрыгнула в машину сама. Потом быстро закрыла за собой дверь. Вцепилась в ручку дверцы и притаилась. Все, кажется, оторвалась! Чтобы еще хоть раз она одна ночью пошла мимо кладбища!

– Да кто тебя обидел? – забеспокоился водитель.

Если бы я знала! Еще засмеют, когда услышат, что я повстречала на дороге охотника за зайцами. Бред! Кое-как объяснила водителю, что еду в гости к Татьяне Петровне. Просто язык не хотел ворочаться. Машина подкатила прямо к тетиному дому. Спаситель подождал, пока я выбралась из машины, и на прощание посоветовал:

– Не ходи, дочка, ночью одна, а то, знаешь…

Машина громко заурчала и поехала по деревенской улице, подсвечивая себе фарами. У двери дома, освещенной приделанной чуть выше лампочкой, уже ждала обеспокоенная тетя. Я ее сразу узнала, так как именно такой помнила с детства. Высокая, с собранными на затылке косами, она, казалось, нисколько не изменилась. Татьяна Петровна пропустила меня на освещенную веранду, взяла с плеча сумку. И только здесь заметила, что я, как бы это сказать, немного не в себе.

– Что с тобой, Валя? – обеспокоено спросила она. – Кто тебя обидел?

Как-то не хотелось рассказывать о своем путешествии мимо кладбища, поэтому я собралась с силами и заверила тетю, что все в порядке.

– Все хорошо! – заверяю тетю. – Еще повезло, что подвез от станции на «УАЗе» какой-то мужчина из деревни. Так что добралась с комфортом.

Но, видимо, тетя не очень-то поверила деланно уверенному тону и еще несколько раз испытующе посмотрела на меня. Но я усиленно делала вид, что все в порядке. Тетя быстро собрала на стол. Я умылась из старинного умывальника, что примостился в углу. Этакий большой, словно шкаф! Помню его с детства. Это Мойдодыр моего детства. Умывальник я тогда уважала и немного побаивалась. А теперь вот улыбаюсь со своих детских фантазий.

После умывания стала звонить маме – нужно же ее успокоить. Да, все хорошо! Да, уже у тети! Добралась хорошо! Все хорошо! И даже сама стала верить в это и, кажется, немного успокоилась. Нехотя поковыряла салат из горошка, который приготовила тетя. Чтобы не обижать хозяйку, похвалила маринованные огурчики, поклевала вилкой жареную картошку, а потом и сама стала клевать носом. Яркий свет старой люстры из трех рожков казался слишком резким. На старинных ходиках, что мерно отбивали секунды, уже половина второго. Спать пора, спать пора…

Тетя расстелила постель в отдельной комнатке без двери, где обычно размещали гостей, когда они приезжали к бабушке и дедушке, а потом ушла к себе за перегородку. Свет в гостиной погас – это тетя щелкнула старым выключателем. Быстро переоделась в ночную рубашку и облегченно нырну-

ла под одеяло. Потом выключила настольную лампу. Лежу в кровати и по детской привычке таращусь в потолок. Густая ночь за окном, старинный дом, отбивающие секунды ходики казались какими-то фантасмагорическими. На всякий случай спрятала руки под тонкое одеяло. Хотя под защитой стен старого дома совсем не страшно.

…Проснулась, когда солнышко уже заглядывало в окно, и его лучик щекотал щеку. Как-то не сразу сообразила, где я. Такое ощущение, словно ночью снова побывала в сумеречном замке. Потом догадалась, что в дедушкином доме. Я тут в детстве часто бывала. Вот и старые дедушкины «ходики» громко тикают. Еще живы! Так спокойно становится на душе под их мерный перестук. Словно в далеком детстве побывала. Да, далеком! Как же все это было давно! Бабушка и дедушка, их сморщенные добрые лица… Все это в далеком прошлом, до которого уже не дотянуться. От того, что нет рядом этих любимых людей, запершило в горле.

Потом вспомнилась вчерашняя встреча. Но события прошлой ночи показались какими-то нереальными. Неужели это было с ней? Такое может только присниться. Но ведь мне же не приснилось! Тот странный мужчина был совсем рядом. Как страшно было в темноте идти с ним рядом! Нет, это какой-то кошмар! Даже в сумеречном замке не было так страшно!

Услышав, что я завозилась в постели, в комнатку пришла Татьяна Петровна. Она как-то по-матерински потрогала

мой лоб. Потом принесла мне в постель теплого чаю. Както неудобно валяться в постели, когда так поздно – на часах 11 утра. Я попробовала встать, но тетя жестом остановила, а потом спокойным тоном учительницы поинтересовалась:

– Лучше расскажи, что с тобой приключилось.

Я села на кровати, прислонившись к стене. Старый ковер ласково прикоснулся к спине. Все это так знакомо! Немного подумала, потом начала рассказывать. На станции никто не вышел. Решила идти одна. У кладбища повстречался какой-то странный мужчина. Показалось, что это какой-то призрак! Страшно стало! Хорошо, что мимо проезжала машина, и водитель подвез. Вот и все. Тетя слушала, кивая участливо головой. Выслушав, успокоила девушку, мол, ночью чего не почудится.

– Умывайся, – распорядилась она, – и живо за стол! Проголодалась, наверное?

Я вдруг почувствовала, что на самом деле голодна. Встала и пошла умываться. А вот и Мойдодыр – умывальников начальник и мочалок командир. Он стоял здесь еще в то время, когда я приезжала вместе с матерью и отцом к дедушке и бабушке. Умывальник старинный, большой, словно шкаф. Такие в старом мультике показывают.

Умывшись и вытерев лицо и руки полотенцем, которое подала тетя, я села за стол. Старенькая клеенка, которой он был застелен, выцвела. Провела пальцем по узору. А Татьяна Петровна уже поставила на стол тарелку с тушеной

картошкой. Нарезала хлеб. Достала из холодильника трехлитровую банку с маринованными огурцами. Мой аппетит, несмотря на ночные приключения, оказался на удивление хорошим. Съела всю тарелку и даже хотела попросить добавку, но постеснялась. Выпила целую чашку молока. Помогла тете убрать со стола, помыла посуду – воду Татьяна Петровна нагрела прямо в миске на газовой плите.

Чем заняться теперь? Нужно чем-то помочь хозяйке. Но чем? Может, нужно что-нибудь прополоть? Это предложение было принято. С час полола грядку, на которой росла свекла. Потом походила с тяпкой по участку, на котором росла картошка. Учить меня не нужно – на дачном участке напрактиковалась. Сходила за водой в колодец и присела в тени веранды. Чем же мне заниматься в этой деревне, когда здесь ни одного знакомого, кроме тети? Вопрос, конечно, интересный. Вот только ответа на него нет.

До вечера еще далеко, а уже такая скука! Смотрю через забор на пустую деревенскую улицу, по которой прогуливаются куры. И зачем поехала в эту деревню? Дома, конечно, тоже скука, но здесь полная тоска! Днями сидеть в доме, копаться в огороде… Даже телевизор невозможно посмотреть – он у тети испортился. Прогуляться, что ли, по деревне? А это мысль! Отряхнула джинсы от пыли и пошла в дом, чтобы сообщить о своем решении Татьяне Петровне. Та сидела за столом в горнице, обложившись старыми альбомами. Сколько у нее их! Видимо, не одно поколение собирало все эти фо-

тографии.

– Что-то прежнее вспомнилось, – пояснила свое занятие тетя. – Может, и тебе интересно будет?

Я присела рядом за стол и стала перебирать альбомы. Три альбома были посвящены педагогической деятельности Татьяны Петровны. Сколько учеников прошло через ее руки! Такие разные лица. Кем стали эти люди? Лица на старых черно-белых снимках казались какими-то нереальными, словно из другого мира. Увидев, что я заинтересовалась старыми альбомами, тетя стала рассказывать о своих выпускниках. Этот стал врачом, тот – научным работником. А еще среди тетиных учеников – профессора, учителя, агрономы, руководители всех уровней и т. д.

От вида пожелтевших снимков стало скучно. Разве может рассказать о людях то, какую должность они заняли, на какую ступеньку иерархической лестницы поднялись? Люди – это нечто большее. Старенькие фотографии не расскажут о том, кого они любили, о чем думали, с кем дружили. Просто, это обычные черно-белые фотографии, с которых смотрят лица незнакомых девушек и парней. Вот с этим она бы познакомилась – такой интересный парнишка. Правда, ему уже, может быть, скоро на пенсию. Вот еще какой-то старый альбом. Такого она никогда не видела. Старая, потертая обложка. Толстые пожелтевшие листы, на которых закреплены такие же пожелтевшие фотографии. Интересно, кто это дама в темном платье?

– Это наша прапрабабушка, – заметив мой интерес, пояснила Татьяна Петровна. – Она учительствовать в нашу деревню приехала, как тогда говорили, пошла в народ. Сама из интеллигентной семьи – ее отец был врачом в Петербурге. Повстречала простого деревенского парня и случилась у них любовь. Так и осталась жить в деревне.

Вот это судьба! Я пристально всмотрелось в лицо на фотографии. Красивая, но строгая. Это сразу видно. Зачем уехала в глушь? Кому и что хотела доказать? На уроках истории не раз говорили о движении народников. Это те, что «ходили в народ». Выходит, и моя прапрабабушка также была народницей? Что они искали в деревне? Какой такой особый смысл? Вот этого я никак понять не могу. Хотя я и сама поехала в деревню только от нечего делать и надеялась здесь долго не задержаться. Какой смысл! Что, в городе не народ живет? Тоже ведь народ!

Листаю альбом, всматриваясь в лица людей, одетых в старомодную одежду. Ведь и они о чем-то думали, мечтали. Теперь покоятся, может быть, на старом деревенском кладбище. Стой! Какое-то смутно знакомое лицо. На фотографии запечатлен какой-то молодой мужчина с велосипедом в руках. Какой-то знакомый велосипед. Где она его видела? Боже, это, возможно, тот самый незнакомец с велосипедом, которого встретила около кладбища. Точно, он! А, может, показалось? Показала фотографию Татьяне Петровне. Та посмотрела на пожелтевший снимок и ничего не сказала.

– Кто это, тетя? – спросила я, как мне показалось, осипшим голосом.

– Кто-то из представителей местной деревенской интеллигенции. Может, земский врач. Я точно не знаю. И откуда мне знать, когда этому снимку более сотни лет.

– А кто снимал? – с надеждой поинтересовалась я.

– Опять же, откуда мне знать? – удивилась тетя, но потом улыбнулась, словно что-то вспомнив: – Мне бабушка рассказывала, что был у нас на селе учитель, сосланный из Санкт-Петербурга. Вроде бы, он фотографией увлекался. Тогда, говорила бабушка, это было в диковинку. Видишь, некоторые снимки сделаны в студии, а некоторые прямо на улице. На тех, что сделаны в фотоателье, сделано соответствующее тиснение. А те, что проще, видимо, сделаны прямо в нашей деревне.

– А кто-нибудь в деревне может что-нибудь рассказать о людях, что на этих снимках? – осторожно поинтересовалась я.

– Откуда! – махнула рукой старая учительница, но, подумав, добавила: – Есть у нас старая учительница Анна Николаевна Федотова. Она, как говорит молодежь, фанатка истории села. И это понятно – сама историю преподавала. Вот от стариков многое разузнала. У нее в школе музей истории села был. Но теперь уже ничего не осталось – ни музея, ни самой школы. Старое деревянное здание школы, в котором когда-то был помещичий дом, разобрали. Новую школу по-

близости от конторы колхоза построили. Может, у Анны Николаевны что-то и сохранилось? Ей уже за 90, но еще в здравом рассудке и при хорошей памяти.

– А где живет эта Анна Николаевна? – поинтересовалась я. – К ней можно сходить?

– Даже и не знаю, – задумалась тетя. – Говорят, должны были ее внуки в город отвезти – трудно одной старой женщине.

– Тетя, – попросила я, – давайте сходим сейчас, не откладывая, а то и впрямь, бабушку в город заберут. Тогда у кого расспросить можно будет?

– Я вижу, что ты историей нашего села заинтересовалась, – улыбается Татьяна Петровна. – Что ж, пойдем. Это недалеко. За церковью.

Тетя неспешно собирается. Я с нетерпением жду ее уже во дворе. Тетя закрывает на ключ входную дверь, потом аккуратно притворяет калитку. Я жду ее уже на улице. Так же неспешно мы пошли по деревенской улице, хотя мне хотелось бежать. Главная улица деревни даже заасфальтирована. Правда, местами асфальт выщерблен.

– Колхоза нет, – бурчит Татьяна Петровна, – и некому дорогу поправить!

Она что, мысли мои читает? Стоило подумать, как тут же следует ответ. Нет, это скорее совпадение. Просто подумали об одном и том же. Так бывает. У меня с мамой так получается часто.

– А вон наша церковь видна, – показывает моя спутница на виднеющиеся вдали купола.

Смотрю на большие маковки церкви, виднеющиеся из-за домов. Просто в церкви я бывала не часто. Если честно сказать, то мне в церкви нравится. Только вот трудно выстоять всю службу на одном месте. Хочется походить, посмотреть…

– Церковь наша старинная, – рассказывает тетя. – Говорят, в 17 веке построена. Но бревна и сегодня – как звон. Когда церковь в 60-м закрыли, народ иконы тогда по домам разобрал. А как в 90-м открыли, так стали люди старые иконы приносить.

– А вы, Татьяна Петровна, верующая? – интересуюсь.

– Сейчас регулярно в церковь хожу. Вспоминаю, как мать меня совсем еще маленькой на причастие водила. А когда в школу пошла, когда в октябрята, а потом в пионеры вступила, тогда в церковь ходить отказалась. Так нас в школе тогда воспитывали. И я, помню, маме кричала, что Бога нет. Теперь, правда, каюсь в этом, но не знаю, будет ли мне прощение.

Тетя поохала, повздыхала, а когда проходили мимо церкви, стала креститься и кланяться. Я тоже перекрестилась. И даже помолилась такими вот словами: «Господи, защити меня от всех напастей!». Откуда к ней пришли эти слова? Не знаю. Видимо, где-то слышала. Еще немного мы прошли по деревенской улице. За высокими крашеными заборами стоят более новые, раскрашенные синим, зеленым, красным,

шалеванные дома. А кое-где сохранились старенькие, бревенчатые, с выбитыми окнам. Стоят, сиротинушки, за проломанными ветхими заборами. Все встречные с тетей здороваются. Сразу видно, что ее уважают в деревне. Конечно, столько лет учительницей в местной школе проработала! Мне мама об этом рассказывала.

– А вот и дом нашей Анны Николаевны! – останавливается перед некрашеными воротами тетя, открывает калитку и входит во двор.

Я за ней. Двор заасфальтирован. Кругом чистота. Небольшая собачонка нехотя вылезает из конуры, помахивая хвостом. Тетя поднимается на крыльцо и открывает дверь. Я – следом. На просторной веранде тоже чистота. В углу – газовая плита, шкафчик для посуды. В нем ровными рядами кастрюли. На небольшом кухонном столе, который стоит рядом, также примерная чистота.

Тетя стучит в дверь, которая ведет в дом, потом открывает ее, не дождавшись ответа, и входит. Я, словно хвостик, – за ней. Мы попадаем в коридорчик, из которого видна горница и кухня.

– Николаевна! – зовет тетя, – ты где?

– А где мне, старухе, быть, как не на печи лежать, – слышится голос.

Из двери горницы появляется невысокая, сухонькая старушка с каким-то кукольным сморщенным личиком. На ней надет пестрый байковый халат и розовая кофта.

– Это я, Николаевна! – повышает голос тетя.

– Да вижу я, что ты, – бурчит старушка. – И не кричи так громко – я еще хорошо слышу. Зачем пожаловала?

– Племянницу свою показать тебе привела, – смеется тетя. – Так что принимай гостей!

– Я всегда гостям рада, – улыбается хозяйка дома. – Вы, чай, не с пустыми руками пожаловали?

– Зачем с пустыми! – шутливо обижается Татьяна Петровна и кладет на стол, как она любит говорить, гостинец. Я и не заметила, как она прихватила с собой в сумку конфет и пряников.

– Что же, – потирает довольно маленькими ладошками старушка, – давайте к столу! Я сейчас чайку согрею.

Старушка отправилась на кухню, потом стукнула входной дверью. Мы с тетей уселись вокруг большого круглого стола. Вскоре к нам присоединилась и хозяйка, которая принесла с собой чайник и водрузила его на подставку. Стол накрыт красивой скатертью, которая когда-то была белой, но уже слегка пожелтела. Вскоре на столе появились чашки, а потом и тарелочка с конфетами. Старушка не дрогнувшей рукой налила гостям чайку из заварника, потом плеснула кипяточку из чайника. Тетя стала пить чай с пряником и нахваливать хозяйку. Везде, мол, у тебя, Николаевна, порядок, везде чистота! А какой вкусный чай у тебя!

– Хватит нахваливать! – перебила ее старушка. – Лучше расскажи, зачем пожаловала.

– Да вот моя племянница историей нашей деревни интересуется, – говорит тетя. – Не могла бы ты с ней, Николаевна, поговорить?

– Почему не поговорить? – пристально смотрит на меня хозяйка дома. Давай поговорим!

Татьяна Петровна рассказывает, что меня заинтересовал один снимков из старого альбома, на котором запечатлен какой-то мужчина с велосипедом. Хозяйка принесла свой альбом. Он был такой же старый, как у Татьяны Петровны, был и тот самый снимок.

– Эта фотография? – спросила Анна Николаевна.

Да, это была та самая фотография мужчины с велосипедом. Я ее сразу узнала. На снимке запечатлен молодой мужчина в каком-то светлом костюме, улыбается. Велосипед какой-то странный, угловатый. Примерно такой я видела в руках у того страшного мужчины, которого встретила около кладбища. Причем, мужчина также был одет в светлый костюм.

«Но этого не может быть, – проносятся мысли в моем мозгу. – Этот мужчина жил, как говорила тетя, более ста лет назад».

– Это земский доктор Порфирий Кузьмич Слепцов, – пояснила старушка. – Я почем знаю? Мне еще бабушка о нем рассказывала. Служил у нас еще задолго до революции в земской больнице, которая находилась в нашем уездном городе Молятичи. А к нам он приезжал в гости к местному учите-

лю, как его там, запамятовала.

– А что ты о докторе можешь рассказать? – интересуется Татьяна Петровна.

– Говорят, хороший был доктор, – рассказывает старушка, – вот только в полицию его забрали. Говорят, это он на девушек ночью нападал и …словом, говорить не хочется!

– А ты все равно расскажи, – просит Татьяна Петровна.

– Не при ребенке же! – возмущается старушка.

Пришлось мне выйти из дома. Сидела я на старой скамеечке и думала. Все мысли были нехорошими. Что это за люди такие, взрослые! Сначала по телевизору такого насмотришься, а потом говорят, что тебе еще рано. Ясно, бывшие учителя!

Наконец, из дома вышла тетя. Ничего не говоря, махнула рукой и пошла к калитке. Я, конечно же, за ней. Только тогда, когда мы обе очутились на улице, тетя заговорила:

– В чем-то права Николаевна – зачем детям о таком рассказывать?

– Только я не ребенок! – обиженно промямлила я, даже не ожидая от себя такой скромности. – Когда одной мимо кладбища, так я уже не ребенок! Когда какой-то странный субъект пристает, так я снова уже не ребенок!

– Короче, – наконец решилась тетя, – Судили того доктора – и в Сибирь! А за то, что много девушек убил. Вот и все, что я тебе могу и хочу сказать. Так кого ты тогда ночью встретила? Не хочешь рассказать? Может, нужно в милицию

заявить?

– Что рассказать? – снова бурчу я, осознавая со страхом, что сказала лишнее. – Встретила, да и встретила. Он же ничего мне не сделал, а я просто испугалась. Ведь ночь была! И что я об этом могу рассказать? Да и люди будут смеяться, в первую очередь, с меня. Ни к кому не приставал, а на меня польстился. Причем, я не могу сказать, кто это был. Как его милиция искать будет?

– Ладно, ладно, – успокоила тетя, – я сама чего-нибудь разведаю у нашей почтальонки. Та всех в округе знает и сразу скажет, если есть где-нибудь поблизости такой подозрительный тип, тогда можно и в милицию… А пока по ночам ни-ни!

– И куда это я пойду ночью? – удивилась Валя.

Тетя промолчала. Они молчали всю дорогу, пока шли назад. Кстати, за всю дорогу им не встретилась ни одна молодая девушка или парень, с кем можно было бы поговорить. Неужели в деревне живут одни старики? И зачем она сюда приехала! Только для того, чтобы находиться под присмотром? С тетей я все же договорилась, что моей матери про ночное происшествие говорить не будем. Зачем ее беспокоить! Ведь фактически ничего и не было. Мало ли что мне почудилось. Поэтому, когда мать позвонила на домашний телефон Татьяны Петровны, она ничего о моих деревенских приключениях не рассказывала. А я ограничилась только тем, что пожаловалась, что сверстников в деревне нет.

Мать на это только хмыкнула, а потом посоветовала читать книги, которых у тети всегда было много. Действительно, в доме Татьяны Петровны было целых три старомодных книжных шкафа. И все они были до отказа забиты книгами. Но какие это книги – все так называемая классика. Я покопалась в этом пыльном, как говорила тетя, «богатстве». Здесь были фантастика, классическая литература, даже несколько детективов. А, на первый взгляд, не скажешь, что тетка интересуется детективами. Лучше бы телевизор починила, ведь без этого «окна в мир» вообще тоска! А свой ноутбук я вообще оставила дома – хотела отдохнуть от цивилизации! Смартфон и планшет мне еще не купили, да я и не настаиваю – зачем мне эти подобия компьютера!

День прошел в хлопотах по хозяйству. Я помогала Татьяне Петровне полоть огород, мыла посуду, пекла блины, словом, хозяйничала. Потом попробовала читать. Те детективы, что были у тети, читать не смогла. Занудотина! Агата Кристи – это для пенсионеров. Позвонила по мобильнику своей подруге, но у той недоступно. Котик тоже почему-то недоступен. Чтобы не умереть с тоски, вышла на улицу и присела на скамеечку, что за забором у калитки. Сидела себе спокойно и слушала музыку, которую записала на мобильник. Солнце уже клонилось к западу. На улице пусто. Тоска! Вот так попала – хоть волком вой! Как говорит мама, из огня да в полымя! Тогда я склонила голову на руки, уперев их в колени, и принялась думать о том, что Котик смог бы помочь

найти мне применение в этом захолустье. Я уже несколько раз звонила ему на мобильный, но грустный голос оператора все время твердил, что абонент временно не доступен. Не доступен!

– Кунжутная, – вдруг послышался знакомый голос, – не ты ли это?

Я, вздрогнув от неожиданности, подняла глаза и, как говорят у нас в школе, чуть не офонарела. Передо мной собственной персоной стоял Степанов. И откуда он здесь мог взяться, если, конечно, это не призрак! Хотя. Может быть, и призрак – слишком много она о Степанове в последнее время думала. К сожалению, это был не призрак. Стоит себе он, высокий, в светлых джинсах, беленькой маечке, и улыбается. Чему улыбаться? Их неожиданной встрече? Так я радости от этого не ощущала. Как говорится, глаза б его не видели! Степанов присел рядом:

– Скучаем?

Я молчу.

– Не дуйся! – пристает Степанов.

Я молчу.

Тогда герой-любовник изменил тактику:

– Ну, хорошо, я прошу у тебя прощение!

– А если без «ну»? – все же снизошла до ответа я.

– Тогда просто – прости! – принял условия игры непрошеный гость.

После таких слов как-то неудобно было строить из себя

Принцессу-Несмеяну. Поэтому я сказала так же просто:

– Прощаю. И ты меня извини!

Помолчали.

– Как ни странно, – продолжает диалог Степанов, – у меня бабушка живет в соседней Ивановке. Вот я к ней и приехал. А в вашу Старинку пришел к своим приятелям.

– А говорили, что ты за бугром! – отозвалась я.

– Я сам эти слухи распустил, – захихикал собеседник, – чтобы поддержать реноме.

Опять помолчали.

– Как проводишь время в деревне? – подал голос Степанов, которого, к слову, зовут Женя.

– Скучаю! – бесстрастно отчиталась я и, подумав, добавила: – А ты чем занимаешься?

– Если честно, то помогаю бабушке, – отчитался Степанов, потом добавил: – Пошли сегодня вечером на танцы.

Я хотела ответить, что с мало знакомыми людьми по вечерам не прогуливаюсь, но прикусила язык. Просто я представила, как лежу на тетином диванчике и с тоской листаю изрядно надоевший детектив. И хотя, конечно же, Степанов – не лучшая компания, но без него еще тоскливее.

– Заметано, – соглашаюсь, а потом спокойно так интересуюсь: – Ты ко мне зайдешь, или встретимся на нейтральной территории?

– Предпочитаю нейтральную территорию, – честно сознался Степанов.

– Хорошо, – соглашаюсь я, – тогда встретимся на улице, перед домом. Во сколько выходить?

– В восемь вечера – самое время, – отзывается нежданный гость.

Я кивнула головой, и Степанов, кивнув в ответ, направился по улице в центр деревни. Смотрела ему вслед и думала о том, какая же я все же дура, коль согласилась идти на танцы с парнем, к которому, нужно честно признаться, не равнодушна! Кроме того, меня одолевают муки совести – предаю Котика. Хотя почему предаю! Я же не согласилась, как пишут в романах, «на любовную связь» со Степановым. Просто прогуляемся вечерком, чтобы не умирать в тетином доме с тоски. Все же суббота! Так я заключила сама с собой подленькое соглашение – просто прогуляться. И в то же время на душе так мерзопакостно – слаба ты, старуха, слаба! И нечего душой кривить!

Вот уже и магические 8 вечера. Пора выходить на встречу «кавалеру». Я уже объяснилась с теткой. Как оказалась, она хорошо знает Степанова и числит его «милым молодым человеком», который всегда приезжает помочь бабушке на летних каникулах. Поэтому Татьяна Петровна, в сущности, и согласна на эту вечернюю прогулку. Но у нее одно требование – не задерживаться поздно! Все же она «в ответе за ребенка».

Что ж, я, сама того не желая, узнала о Степанове нечто новое, что никак не укладывалось в тот образ, который у меня уже сложился в голове. Какой-то Степанов не такой, каким

я привыкла его числить. Вот и бабушке помогает! Если бы я не услышала это собственными ушами, то никогда бы не поверила!

Степанов уже переминался с ноги на ногу на улице, как раз напротив дома. Одет он был в обычные джинсы и майку. На поясе повязан легкий джемпер. Понятно, ночью холодно. Только от одной этой мысли я почувствовала, как жар заливает щеки. Неужели у меня есть тайная надежда на поздние прогулки со Степановым?

Степанов поприветствовал меня, словно настоящий патриций – этак небрежно и в то же время несколько заинтересованно. Я шутливо помахала ему рукой, и мы на удивление дружно рассмеялись. Теперь нужно было решить, как двигаться к неизвестному для меня месту, где проходят сельские танцы. И я решилась – взяла своего недавнего обидчика под руку. Это получилось почему-то так естественно, будто моя скромная персона проделывала такое уже не первый раз. От этой мысли стало немного не по себе. Оказывается, как мало мне нужно, чтобы кинуться «на шею» Степанову. Как говорится, только помани! Я даже хотела выдернуть свою руку, но парень придержал ее, промолвив:

– Спокойно, спокойно, пролетаем над Каиром!

Почему-то эта глупая фраза сразу меня успокоила, и я не предпринимала больше попыток освободить руку, а просто пошла рядышком с человеком, по которому тайно вздыхаю уже не один год. Мы прошли мимо церкви с темными

окнами и направились к двухэтажному зданию, в котором, по всей видимости, размещался клуб. Построен он был в стиле застойных «стекляшек». Фасад – сплошной стеклянный витраж. Хорошо, хоть не деревянный барак. За стеклянными витражами вспыхивали разноцветные прожекторы. И эта приглушенная музыка, и эти разноцветные блики создавали легкое ощущение нереальности всего происходящего. Где она, зачем, что дальше? Эти вопросы вставали один за другим, но так не хотелось искать на них ответ…

Как-то страшно входить в этот клуб – она же там никого не знает! Причем, «под ручку» со Степановым. Но я преодолела себя и вместе с кавалером прошла через стеклянную дверь – Степанов галантно ее открыл. В лицо ударил теплый пропахший потом воздух. За дверью находилось большое фойе, в котором собственно и разворачивается действо. Как раз, выражаясь на молодежном сленге, начался медляк. Парочки отправлялись в центр зала, где, обнявшись, покачивались в танце. Свет притушили, и только разноцветные прожекторы вспыхивали с какой-то полусонной замедленностью. И эти тени, слившиеся и колышущиеся в такт неспешной музыки, какой-то потусторонний свет усиливали ощущение нереальности.

Степанов также увлек меня в центр зала. Я сочла за лучшее подчиниться, чем устраивать сцену в незнакомом месте среди незнакомых людей. Так что мы со Степановым заняли свободное место. Женя, уже Женя, привлек меня к себе и об-

нял за плечи. Честно скажу, я даже вздрогнула, но позволила ему сделать это – не показывать же свой характер в толпе незнакомых людей. И мы начали танцевать, покачиваясь в толпе из стороны в сторону. Музыки я не слышала. Руки Степанова, обнимавшие меня за плечи, казались горячими. В голову пришли глупые мысли: «На моем теле могут появиться ожоги. Вот только жарко жутко, и Степанов, наглец, прижимает к себе изо всех сил».

Танцевали мы молча. Соображать я здраво не могла, но в голове все время крутилась мысль: «Почему Степанов именно меня пригласил на танцы? Неужели в деревне нет подходящих девушек? Хотя так не скажешь – молодежи в клубе собралось не мало. Вот тебе и вымирающая деревня! Хотя все это старшеклассники, учащиеся профессиональных колледжей и лицеев, дедушкины и бабушкины любимцы, да студенты и студентки, приехавшие «помочь старикам». Помочь? Держи карман шире!

Наконец танец закончился. Степанов попросил его подождать и направился к ди-джею. Стою себе, словно три тополя на Плющихе – так мать обычно говорит. Честно сказать, чувствую себя очень неловко – в незнакомом месте, кругом незнакомые люди! Казалось, что все смотрят на меня. А Степанов, нехороший человек, «завис» – о чем-то треплется с ди-джеем. Другого времени не нашел! Даму оставил – и по своим делам. Да, это, видимо, у парней обычное дело. Да, любовь зла – полюбишь и козла. Не хочу судить, как го-

ворится, по первому разу, но…

И тогда я отправилась на улицу – проветриться. На крыльце стояли незнакомые парни и дымили сигаретами. Мне явно не показалось, что они нахально на меня смотрят. Тогда я спустилась с крыльца и пошла обратной дорогой. Заблудиться трудно – в деревне заасфальтирована одна центральная улица. Так что топаю по асфальту. В голове только одно слово: «Зачем?». Зачем я увязалась в эту авантюру. Своим поведением Степанов еще раз ярко продемонстрировал, что не ставит меня ни во что. В душе сплошное разочарование и обида на себя. На кого еще обижаться?

Совсем уже стемнело. Иду мимо церкви. Вдруг слышу какое-то шуршание. Оглянулась. И вижу, что за мной едет на велосипеде какой-то человек. Единственное, что я заметила, одет в светлый костюм. И вдруг мне взбрело в голову, что это тот самый мужчина, которого я встретила возле кладбища. От этой мысли все внутри у меня похолодело, и я «рванула». Несусь так, что ветер свистит в ушах. Вот бы порадовался мой физрук – норматив, считай, сдала. С трудом останавливаюсь возле тетиного дома. Кажется, погони нет! А может, ей только показалось, что это тот самый. Мало ли в деревне велосипедов!

Еще раз внимательно осмотрелась. На деревенской улице пусто. Фонари все умерли, кроме того, что возле клуба. Нужно возвращаться в тетин дом. Берусь за ручку калитки, как вдруг отчетливо вижу, что из-за веранды дома кто-то вы-

глянул. Неужели это все тот же мужчина с велосипедом, что поджидал меня у деревенского кладбища? И тогда я неожиданно для себя сорвалась с места и «стартанула», но уже в обратном направлении. И снова ветер свистит в ушах. А вот и клуб, точнее, сельский Дом культуры. Я остановилась под фонарем, чтобы отдышаться. Ну и трусиха я!

Придется опять посетить это культурное заведение, так как возвращаться опять домой одна я не рискну. И так вся трясусь от страха. Поднимаюсь на крыльцо. Те же парни затягиваются сигаретами, лениво переговариваясь. В их речи проскакивали раз за разом матерные слова. Нормальный молодежный треп. Такое впечатление, что у меня дежавю. И не было побега в темноте, и странного мужчины на велосипеде. Но ведь был же! Я же сама видела!

Вхожу в клуб. Танец как раз окончился, и молодежь освобождает центральную часть фойе. Зажегся более яркий свет, слепивший глаза после ленивого перемигивания светомузыки. Там, в центре зала, стоит Степанов. Он заметил мою скромную персону и направляется, судя по всему, ко мне.

– Прости, что задержался, – сказал он, подойдя ближе.

Я только кивнула. Да и что скажешь этому самовлюбленному павиану!

– Потанцуем, – предлагает кавалер.

Я опять, сама не знаю почему, киваю, мол, «согласная я», причем на все!

Танцуем. Я – само спокойствие. Еще о чем-то говорю

со Степановым. Вспоминаем мы учебный год, товарищей по классу. Мой кавалер беззлобно шутит. Этакий сказочный старичок-добрячок, который в лесу людям неправильную дорогу указывает. А, может, я придираюсь? Хотя ночная пробежка прочистила мне мозг. Теперь я не такая непримиримая и принципиальная и даже стала, как мне кажется, несколько адекватной.

Подходят один за другим его друзья и приятели, знакомятся со мной, о чем-то спрашивают. И я им что-то отвечаю и даже смеюсь их шуткам. И сама что-то говорю с юморком, да так, что новые знакомые охотно смеются. Ну, светская болтовня на балу. Одна мысль сверлит мне мозг: «Когда же все это закончится?». Как говорится, нет, не поедем мы к бабушке в гости! Теперь меня на эти самые танцы и калачом не заманишь. Уж лучше я буду подыхать со скуки в теткином доме, чем маячить тут с переростками.

В ушах гудит от чрезмерно громкой музыки, а низкие частоты резонируют где-то в печенке. Наконец ди-джей объявляет окончание дискотеки. Заждалась! А вот молодежь обиженно гудит и все же нехотя начинает расходиться. Двинули к выходу и мы. Прошли по слабо освещенной аллее, и вышли на центральную улицу деревни. Темно так, что в двух шагах уже ничего не видно. На улице довольно оживленно – молодежь расходилась с дискотеки.

Ночь выдалась тихой и теплой. Легкий ветерок ласкал щеку. Я уже, представьте себе, привычно держу Степанова под

руку, но еще не совсем впопад отвечаю на его вопросы. Наконец, фантазия Степанова истощилась, и он также замолчал. Мы молчим вместе, неспешно ступая по теплому асфальту. Как оказалось, со Степановым легко молчать. Это редкое качество, которое, на мой взгляд, свидетельствует, что он не окончательный козел.

Главное – с ним не страшно. И даже пусть явится тот жуткий маньяк! Нет, лучше пусть исчезнет из ее жизни навсегда. Не было же его раньше, так вот появился, не запылился. И чего ему нужно? Может, что-то хотел сказать? Так почему не сказал? Вот сколько вопросов. Главное, от таких встреч веет леденящим ужасом. Хотя недавнее происшествие мне кажется игрой воображения. Я бы сказала, больного воображения. Видимо, уже пора в «дурку». А ведь так не хочется!

Вот и дом, который на время стал моим прибежищем. Я подозрительно смотрю за калитку. Никого! Может, в прошлый раз мне все же померещилось? Тогда должна была померещиться и первая встреча с тем подозрительным велосипедистом. Хотя с нее станется – еще и не это могу нафантазировать. Я уже себе не доверяю.

Расставание со Степановым было не долгим – я милостиво позволила себя чмокнуть в щеку и быстро удалилась. Открыла калитку, потом обернулась, помахала парню рукой. Интересно, что он чувствует? Но эта информация закрыта, так как даже выражение лица кавалера не различить в темноте. Да и что он может чувствовать! Ну, очередной вечер

с очередной девушкой… А сколько у него их было!

Иду по дорожке к дому, а душа в пятках. Тяну на себя ручку входной двери. Дверь отворяется с ужасным душераздирающим скрипом – и-и-и-и! На веранде темно хоть выколи глаза. Щупаю холодную стену – где-то должен быть выключатель. Но выключатель не находился. Сердце бьется все быстрее и быстрее. Так страшно в темноте! Я на ощупь направляюсь к двери, которая ведет в дом. Примерно представляю, где она должна быть, но разве в темноте сориентируешься! По пути цепляю ногой какое-то ведро. Ну и гром! Святые угодники, как страшно! Это звонкое бренчание в кромешной темноте так меня испугало, что задрожали руки, а липкий пот потек по спине. Нащупываю дверь, ага, вот и ручка нашлась. Ручка поддается, и дверь потихоньку открываться. Хорошо, что без скрипа. Но кого я боюсь напугать? Разве себя.

Заглядываю в дом, но ничего толком не вижу – сплошной мрак. Как страшно! Тогда, открыв дверь, шагаю за порог – и застываю в ужасе! В углу виден более темный, чем стена, силуэт человека. Еще мгновение – и я бы бросилась бежать из дома, но совсем рядом раздается голос тети:

– Нагулялась, гулена?

Лихорадочно шарю по стене в поисках выключателя. Да вот же он! И вспыхивает такой долгожданный свет. Так и насмерть перепугаться можно! Вижу: тетя сидит на стуле у стены и, видимо, ждет моего возвращения. Татьяна Петровна

встала и пошла к себе за перегородку. Заскрипела кровать.

– На столе молоко и булка, – распоряжается из-за перегородки хозяйка дома, – если не будешь пить, поставь в холодильник.

– Спасибо, – лепечу, все еще трясясь от страха, – что-то не хочется!

Нет, я не привереда, но именно сейчас никаких желаний у меня нет. Снимаю кроссовки и иду на кухню. Осторожно включаю свет. Убираю молоко в холодильник, а булку – в хлебницу. Выключаю свет и отправляюсь на ощупь в комнатку, где стояла моя кровать. И все это делаю практически бессознательно, так как мое единственное желание – упасть в постель! Включила верхний свет, потом настольную лампу. Осмотрелась. Никого постороннего. Только тогда вспомнила, что забыла закрыть за собой дверь. Возвращаюсь в прихожую, включаю свет и выглядываю из-за двери на веранду. Пошарила по стене – выключатель нашелся. На веранде вспыхнул свет. Поднимаю опрокинутое ведро – повезло, что оно пустое. Направляюсь к двери. Немного поспешно, словно кто-то страшный может ворваться в дом, щелкаю задвижкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.